МНОЖЕСТВЕННАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СТАТИСТИКУ НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ¹

© В. В. Бубликов

канд. социол. наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет E-mail: v.bublikov@mail.ru

В статье анализируется влияние распространения множественной этнической идентичности в Российской Федерации на «официальную» (по переписям) численность этнических групп. Показано, что для ряда этнических сообществ, подверженных масштабной ассимиляции, возможность фиксации полиэтничной идентичности имеет определяющее значение. В постсоветской России в общественном сознании значительной части россиян (особенно в «русских» регионах) этноним «русские» наполнился скорее гражданским, а не этническим смыслом. В этой связи представители многих этнических групп, особенно расселённых дисперсно среди русского этнического большинства, в последних переписях часто предпочитали записываться русскими, нередко сохраняя при этом и «старую» этническую идентичность. По оценкам экспертов множественную этнонациональную идентичность имеют 10-15% жителей России. Однако, по всей видимости, в мегаполисах, национальных и приграничных регионах эта цифра существенно выше. Например, этносоциологическое исследование 2018 г., проведенное в приграничных районах Белгородской области показывает, что множественную русско-украинскую идентичность имеет почти четверть населения этих территорий.

Ключевые слова: Ethnic identity, nationality, civil identity, multiple ethnic identity, Belarusians, Russians, Ukrainians.

Анализ статистических данных переписей населения в России последних трёх десятилетий показывает, что на изменение численности некоторых этнических групп большое влияние оказывают не

 $^{^{1}}$ При поддержке РФФИ и Правительства Белгородской области, проект № $^{18-411-310006}$ «Особенности идентичности этнически смешанного русско-украинского населения Белгородской области».

объективные процессы естественного и механического воспроизводства населения, а переоценка этнической (национальной) идентичности, в том числе и под воздействием общественно-политических условий.

Так, например, за период 1989-2010 гг. численность белорусов в России сократилась на 57% (с 1 206 тыс. до 521 тыс.), украинцев на 56% (с 4 363 тыс. до 1 928 тыс.), в то время как русских — только на 7% (с 119 866 тыс. до 111 017 тыс.) [1]. При этом, уровень рождаемости у белорусов и украинцев в России по данным переписей даже немного выше, чем у русских [2, с. 876-895]; значительного различия в продолжительности жизни также, по всей видимости, нет. Не наблюдалось все эти годы и существенного миграционного оттока в Беларусь и Украину. Напротив, российской статистикой практически все постсоветские годы фиксировалось положительное миграционное сальдо в обмене населением с этими государствами. В чем же причина столь быстрого сокращения этих и некоторых иных (евреев, немцев, финно-угорских народов и т. д.) этнических групп?

Безусловно, основным фактором сокращения численности многих этнических групп (прежде всего, культурно близких к русским славянских народов) в России являются ассимиляционные процессы, которые ускорились после распада СССР. В тоже время, ассимиляционные процессы хотя и имеют ряд объективных предпосылок (фактическое отсутствие возможности изучения родных языков или тем более обучения на них в образовательных учреждениях, слабое развитие институтов национально-культурной автономии и пр.), но, всё же, эти объективные причины не могут полностью объяснить скорость сокращения численности белорусской и украинской общин в России. В советское время институциональные возможности поддержания этнической идентичности представителями этих народов в России также были не велики, однако их численность не сокращалась, а порой даже росла (за счет миграционных процессов).

По всей видимости, в постсоветский период основным фактором ассимиляции белорусов и украинцев в России стал феномен распространения множественной этнической (национальной) идентичности, а также как это называют некоторые социологи — «осциллирующей» этнической идентичности, когда по политическим причинам представители «стигматизированных» этнических групп не хо-

тят официально идентифицировать себя со своей национальностью [3, с. 65].

Как отмечает В.В. Степанов, постсоветские российские переписи не дают возможности «указания респондентами двойной этнической идентичности и около 10% населения [т. е. 14–15 млн человек — прим. автора] были вынуждены делать жесткий выбор в пользу одной из национальностей свои родителей. Предпочтение отдавалось наиболее престижной и статусной форме идентичности — русской. Именно поэтому в России статистически стало меньше украинцев и белорусов, хотя они не «исчезли»... Перепись как бы забежала вперед, отражая факт этнической ассимиляции представителей этих и ряда других групп, хотя на самом деле процесс развивается медленнее и не столь однозначно» [4, с. 68].

В 2010-х гг. процессы «раздвоения» национальной идентичности россиян, прежде всего имеющих этнически смешанное происхождение, продолжилось. Так, например, темпы сокращения белорусской и украинской общин в России даже многократно выросли: основываясь на данных микропереписи 2015 г., численность белорусов снизилась до 304 тыс., украинцев — до 1 132 тыс. человек [рассчитано по: 5].

«Раздвоению» национальной идентичности, особенно за пределами «национальных» регионов России (республик и автономных округов), способствует и широкое наделение в общественном сознании этнонима «русский», гражданским (действительно национальным, а не этническим) смыслом. По сути, для большинства россиян, понятие «русский» заменило правильное по смыслу и политкорректное — «россиянин», использование которого так и не вышло за пределы сферы академического и политического (да и то достаточно редкого) лексикона. Сращивание этнонима «русский» в общественном сознании с гражданской принадлежностью и страной проживания, происходило постепенно, ещё с советских времен (1930-х гг.), однако ещё больше этот синкретизм усилился после распада СССР, когда новая форма российской государственности, большинством населения стала восприниматься государством национальным (особенно на контрасте с внешне подчеркнуто интернациональным СССР).

Частично разрешить проблему «раздвоения» национальной идентичности на собственно *национальную*, т. е. гражданскую (в понимании многих обывателей русскую) и собственно этническую

(которая сохраняется у многих «бывших» белорусов, украинцев и т. д.), отчасти могло бы изменение методологических подходов и формулировки вопроса о национальной принадлежности в анкете переписи населения, дав жителям России возможность отобразить более сложную палитру своих этно-национальных идентичностей.

Так, например, как показало этносоциологическое исследование, проведённое в 2018 г. в приграничных районах Белгородской области (N=2060), множественную русско-украинскую идентичность имеют 22,7% жителей, причём в отдельных районах число таких лиц доходит до половины населения. При этом, последние переписи населения фиксировали фактически моноэтничный характер региона: по данным переписи 2010 г. 94,4% населения области составляли русские [1], а по данным микропереписи 2015 г. и вовсе 96,8% [5]. Скорее всего, не меньший процент полиэтничного населения имеют и иные приграничные регионы, а также мегаполисы и регионы с большой долей этнических меньшинств.

В России в целом, по оценкам В.В. Степанова двойную этническую идентичность имеют 10-15% населения [4, с. 68]. Однако само концептуальное представление о возможности одновременной принадлежности человека к нескольким этносообществам пока находит немало противников, причем, прежде всего не среди научного сообщества, а среди более широких общественно-политических кругов (поборников «этнического единства» и националистов). Экспертное же сообщество все активнее призывает изменить существующие подходы, в том числе и в сфере сбора статистических сведений о национальном составе населения. В частности, академик В.А. Тишков призывает: «В переписи 2020 года следует уточнить процедуру определения и подсчета этнической идентичности граждан Российской Федерации, предоставив возможность каждому свободно указывать этническую идентичность, а органы статистики обязать вести подсчет не только единичной, но также и смешанной этнической идентичности» [4, с. 559].

Таким образом, изменение формулировки вопроса об этнической идентичности в анкете переписи населения и возможность указания нескольких национальностей, позволило бы получить более сложную, но и одновременно более объективную информацию о национальном составе населения отдельных территорий страны и России в целом.

Литература

- 1. Демоскоп Weekly http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php.
- 2. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 10. Рождаемость. Москва: Росстат, 2012.
- 3. Социальные факторы межэтнической напряженности в России / отв. ред. Ю.Б. Епихина, М.Ф. Черныш. Москва: ФНИСЦ РАН, 2017. 336 с.
- 4. Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Москва: ИЭА РАН, 2018. 561 с.
- 5. Росстат. Результаты микропереписи населения 2015: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html.

MULTIPLE ETHNIC IDENTITY AND ITS IMPACT ON THE STATISTICS OF THE ETHNIC COMPOSITION OF THE POPULATION OF RUSSIA

V. V. Bublikov

Cand. Sociology sciences, Associate Professor

Belgorod State University

The article analyzes the impact of the spread of multiple ethnic identities in the Russian Federation on the "official" (according to the census) number of ethnic groups. It is shown that for a number of ethnic communities subject to large-scale assimilation, the possibility of fixing polyethnic identity is of decisive importance. In post-Soviet Russia, in the public consciousness of a significant part of Russians (especially in the "Russian" regions) the ethnonym "Russians" was filled more with a civil rather than ethnic meaning. In this regard, representatives of many ethnic groups, especially those dispersed among the Russian ethnic majority, in the recent censuses often preferred to be recorded by Russians, often at the same time retaining the "old" ethnic identity. According to experts, 10-15% of the inhabitants of Russia have multiple ethnonational identity. However, in all likelihood, in megacities, national and border regions, this figure is significantly higher. For example, an ethnosociological study of 2018 conducted in the border areas of the Belgorod Region shows that almost a quarter of the population of these territories has a multiple Russian-Ukrainian identity.

Keywords: Ethnic identity, nationality, civil identity, Belarusians, Russians, Ukrainians.